

Gabka, Kurt

К вопросу о соотношении содержания и формы в строе предложения : термин "присоединительность" и т. наз. "weiterführende Nebensätze"

In: *Otázky slovanské syntaxe : sborník brněnské syntaktické konference*, 17.-21.IV.1961. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962, pp. 229-233

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119416>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ
В СТРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ТЕРМИН „ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОСТЬ“ И Т. НАЗ.
„WEITERFÜHRENDE NEBENSÄTZE“***

KURT GABKA (Greifswald)

Как всякий предмет, всякое явление в природе и обществе, так и язык имеет свое содержание и свою форму. Вопрос о соотношении содержания и формы относится как во всех научных дисциплинах, так и в языкознании к вопросам, которые нуждаются в постоянной конкретизации. Диалектический материализм учит, что содержание и форма вместе образуют сложное единство, в котором определяющим является содержание. К исследованию этого сложного единства, конечно, можно подойти как со стороны содержания, так и со стороны формы. Однако, какая сторона ни принималась бы за отправную точку, исследование будет правильным только тогда, когда соблюдается первенство содержания по отношению к форме. При этом следует иметь в виду, что в процессе коммуникации по меньшей мере участвуют два лица, говорящий и слушающий.¹ Говорящий исходит из содержания, которое он считает нужным сообщить собеседнику, и приносит для этого нужные слова. С другой стороны слушающий, услышав слова, уясняет себе соответствующее содержание, осмысливает услышанную форму. Факт, что языковед прежде всего является слушателем или читателем в языковом процессе, — причина того, что исходным пунктом большинства грамматических исследований является рассмотрение формы, т. е. тех средств, которые используются для выражения грамматических значений данного языка. Так пишет Булаховский: „Полное изучение синтаксиса требует двустороннего анализа — от внешних (формальных) примет к содержанию высказывания, т. е. с позиций слушателя или читателя, и от мысли-содержания к словесному выражению, т. е. с позиций говорящего или пишущего. Практически можно в интересах экономности изложения в основном ограничиться первым аспектом, наиболее важным для установления присущих именно данному языку категорий выражения.“² Но приходится добавить, что языковед, выбирая исходным пунктом

---

* Doc. K. Gabka se nemohl konference zúčastnit, proto nebyl referát přednesen. (Pozn. red.)

¹ Ср. А. С. Чикобава. *Введение в языкознание*, часть I, Москва, 1952, стр. 24.

² *Курс русского литературного языка*, т. I, Киев, 1952⁸, стр. 264.

лишь исследование формы и пренебрегая исследованием смыслового содержания, подвергает себя опасности, что не заметит противоречия, исторически развившиеся между содержанием и формой. А диалектика взаимосвязи содержания и формы заключается именно в том, что содержание в процессе своего развития вступает в противоречие с формой. Если форма не соответствует новому содержанию, то содержание и ищет новой формы. Так например в предложении *Для туристской базы отведен большой, каменный дом* прилагательные *большой* и *каменный* служат для обозначения признаков существительного *дом*. Они являются однородными определениями, так как их объединяющий признак — благоустроенный.³ Если же говорящий хочет выразить что-нибудь добавочного относительно признака, выражаемого прилагательным *каменный*, например редкость каменного дома в данной области и т. п., тогда форма *большой, каменный дом* не может удовлетворить требованиям нового содержания. Но уже в самом сочетании *большой, и притом каменный, дом* выражается это новое содержание, а именно не только новыми словами *и притом*, но и интонацией и родом паузы. Тогда же трудно видеть между членами сочетания *и притом каменный, дом* такое же соотношение как в сочетании *большой дом*. Здесь *и притом каменный* не является просто определением существительного *дом*. Следовательно, нельзя считать в примере *Люди часто посмеиваются над ним, и справедливо* соотношение слов *часто* и *справедливо* таким же как в примере *Люди часто и справедливо посмеиваются над ним*, где *часто* и *справедливо* являются однородными обстоятельствами. Здесь мы имеем дело с так называемыми присоединительными связями, с явлением „присоединительности“. В статье „О присоединительных связях в современном русском языке“⁴ Крючков дает характеристику этого явления и подчеркивает, что присоединение представляет собою как бы добавочное суждение, возникающее в сознании как бы в самом процессе высказывания — дополнительно. Приведенный материал с полной очевидностью свидетельствует о том, что присоединительная связь отличается от сочинительной и подчинительной связей рядом особенностей, важнейшей из которых по моему мнению является именно характер добавочного суждения. Содержание первого высказывания развивается как бы дальше, часто в неожиданном для слушателя направлении, почему новое высказывание обычно сопровождается определенной экспрессией.

Ту же присоединительную связь можно констатировать и в строе сложного предложения русского языка. В примере *Вода была тепла, но не*

³ Ср. *Современный русский язык, Синтаксис*. Под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук, Москва, 1957, стр. 251.

⁴ В сборнике „Вопросы синтаксиса современного русского языка“, Москва, 1950, стр. 397 сл.

испорчена, и притом ее было много для выражения этой присоединительности, кроме интонации, вновь служат слова и притом. Но есть и много примеров для того, что одно и то же формальное средство служит для выражения разных смысловых связей. Так например, союз *a* в сложносочиненном предложении *Все радовались, а он был печален* служит для выражения противительного значения, и в сложносочиненном предложении *Взрослые ушли на собрание, а дети остались дома* для выражения сопоставительного значения, и, наконец, в предложении *Он все еще ждал, а годы шли* для выражения присоединительного значения.⁵ Здесь очевидно не нужно введение новых синтаксических средств, потому что семантическая сторона одна удовлетворяет выражению нового содержания.

Таким же образом и формальные средства, служащие в так называемом по традиции сложноподчиненном предложении для выражения подчинения, могут служить для выражения присоединительности. Так например, относительное местоимение *котор-*, обычно служащее для выражения чисто атрибутивного значения, в примере *Облачко обратилось в белую тучу, которая поднималась, росла и облежала небо* выполняет присоединительную функцию, и союзное слово *что* в примере *Обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи* также выражает присоединительную связь. В этих обоих примерах ясно выступают особенности присоединительности: в придаточной части не говорится о каких-либо признаках, свойствах и т. д., но сообщается о том, что случилось в дальнейшем, о том, как действие развивалось дальше, т. е. выражается добавочное суждение, причем и интонация и пауза имеют особенный характер. Исходя из смысловой стороны, из общности присоединительной связи, я предложил вслед за „*Kleine Grammatik der deutschen Sprache*“⁶ в *Zeitschrift für Slavistik*⁷ объединить придаточное предложение типа *Облачко обратилось в белую тучу, которая...* с придаточным предложением типа *Обе девицы надели... , что...* в одну группу „*weiterführende Nebensätze*“, и назвал конструкцию с относительным местоимением первым, а конструкцию с союзным словом *что* вторым типом этих *weiterführenden Nebensätze*.

В журнале „Вопросы языкознания“⁸ Н. С. Поспелов считает, что нельзя

---

⁵ Ср. Г. И. Рожкова. *Употребление некоторых сочинительных союзов в русском языке в сравнении с немецким* в сборнике „Русский язык для студентов-иностранцев“, Москва, 1957, стр. 64 сл., а также И. А. Попова. *Сложно-сочиненное предложение в современном русском языке* в сборнике „Вопросы синтаксиса...“, стр. 355 сл.

⁶ Leipzig 1953, стр. 90 сл.

⁷ *Über die sogenannten „weiterführenden Nebensätze“ im Russischen*, *ZfSl.* 4/1956, стр. 71 сл.

⁸ *Сложноподчиненное предложение и его структурные типы*, ВЯ 2, 1959, стр. 19 сл.

согласиться с моей попыткой, потому что в таком случае разрывается внутренняя связь между сложными предложениями с атрибутивной и распространительно-повествовательной придаточной частью. В качестве примеров он приводит: 1. *Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцевал минавет на прошедшей ассамблее?* 2. *Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, который побледнел, закусил губы и молча вышел из светлицы.*

Поспелов прав, говоря о том, что обе эти разновидности характеризуются „полным равенством по объему относительного местоимения с именем, к коему оно относится, и постпозицией придаточной части“. Однако и относительное местоимение и постпозиция относятся к формальным средствам. Поэтому и нельзя говорить о том, что обе эти разновидности образуют „один структурно-смысловой тип“, они только по отношению к форме, к формальным средствам образуют один тип. С другой стороны Поспелов подчеркивает, что есть „глубокое функциональное различие“ между этими двумя разновидностями, и приводит в доказательство того относительно второго примера именно особенности присоединительности: „не определяется слово *брат*, а сообщается, что сделал человек, названный этим существительным“ и „примеры отличаются друг от друга и по интонационному соотношению“. Правда, Поспелов не говорит в статье о присоединительности, но употребляет для этого термин „повествовательнораспространительная функция“ согласно „Введению“ Академической грамматики,⁹ причем приведенные там примеры, однако, по моему мнению, не относятся к присоединительным связям.

Итак, нельзя согласиться с тем, что присоединительность является лишь общим смысловым признаком.¹⁰ Она относится к содержанию высказывания и представляет собою качественно новую связь между частями сложного предложения, для выражения которой в русском языке употребляются 1. сочинительные союзы, 2. относительные местоимения и 3. подчинительные союзы. Поэтому и можно говорить о двух типах так наз. „weiterführenden Nebensätze“.

В *Zeitschrift für Slawistik* я показал уже, что и во втором томе Академической грамматики термин „присоединительность“ употребляется по отношению к обоим типам.¹¹ В связи с этим интересно, что польский ученый Klemensiewicz также объединяет конструкции с относительным местоимением и с подчинительным союзом в одну группу под названием „wypowiedzenie dwukrotnie złożone z podrzędnym rozwijającym“.¹² При-

⁹ Грамматика русского языка, Т. II, стр. 109—110.

¹⁰ Поспелов, указ. соч., стр. 23.

¹¹ Указ. соч., стр. 80—81.

¹² Zenon Klemensiewicz, *Zarys składni polskiej*, Warszawa 1953, § 34, 1957², § 37. В *Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego*, Kraków 1953, он еще употребляет

водим из его примеров: *Powiedział mi szczerą prawdę, co mnie głęboko wzruszyło* и ... *otworzył im drzwi pokoju, do którego weszły nie patrząc prawie na siebie*. Подробнее об этом пишет Г. Кайзер в *Zeitschrift für Slawistik*.¹³

термин „*zdanie podrzędne rozwijające*“. Приведенные там примеры, однако, относятся только к типу с союзом.

¹³ G. Kaiser, *Über die Darstellung der sog. „weiterführenden Nebensätze“ in der polnischen Grammatik*, *ZfSl*, 4/1961, стр. 622 сл.

